

УДК 130.2

DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-137-147

Рецензия на книгу:
Бернштам Т.А. Феноменальный мир русской
традиционной культуры / Сост., вступ. ст., коммент.
С.Б. Адоньевой, И.С. Веселовой;
подгот. текста С.И. Жаворонок.
СПб.: Пропповский центр, 2022. 344 с.: ил.

Светлана К. Мамонова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smamonova10@yandex.ru*

Для цитирования: Мамонова С.К. [Рец.]: Бернштам Т.А. Феноменальный мир русской традиционной культуры / Сост., вступ. ст., коммент. С.Б. Адоньевой, И.С. Веселовой; подгот. текста С.И. Жаворонок. СПб.: Пропповский центр, 2022. 344 с.: ил. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 2. С. 137–147. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-137-147

Book review:
Bernshtam T.A. Fenomenal'nyi mir russkoi
traditsionnoi kul'tury
[Phenomenal world of Russian traditional culture] /
Comp. S.B. Adon'eva, I.S. Veselova.
St. Petersburg: Proppovskii tsentr, 2022. 344 p.

Svetlana K. Mamonova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smamonova10@yandex.ru*

For citation: Mamonova, S.K. (2023) [Book review]: "Bernshtam T.A. Fenomenal'nyi mir russkoi traditsionnoi kul'tury [Phenomenal world of Russian traditional culture] / Comp. S.B. Adon'eva, I.S. Veselova. St. Petersburg: Proppovskii tsentr, 2022. 344 p.", Folklore: Structure, Typology, Semiotics, vol. 6, no. 2, pp. 137–147, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-137-147

© Мамонова С.К., 2023

Книга «Феноменальный мир русской традиционной культуры» объединяет три малоизвестные работы выдающегося этнографа, фольклориста, специалиста по традиционной культуре Русского Севера Татьяны Александровны Бернштам (1935–2008). В книгу вошли цикл лекций «Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры: теория и практика этнографических исследований» [Бернштам 1993], а также статьи «Турь, Богородица и богатырь-пьяница (расследования одной “эпической” загадки)» [Бернштам 2004], «Старобрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и Поволжье: XVIII–XX вв.» [Бернштам 2008]. Как подчеркивают авторы предисловия С.Б. Адоньева и И.С. Веселова, эти исследования Бернштам уже были опубликованы, но по отдельности и достаточно небольшим тиражом, что и стало одной из причин, по которой сотрудники Пропповского центра решили переиздать их вновь под общей обложкой. Однако в первую очередь переиздание работ было мотивировано не ограниченным тиражом их первой публикации (все они доступны в электронном виде), а попыткой представления «теоретического наследия Т.А. Бернштам в одном ряду с исследованиями, являющими собой опыт приложения ее методов к конкретному историческому материалу – русской традиционной культуре в ее письменных и устных, книжных и художественных формах» (с. 6). Эту цель можно считать успешно реализованной: теоретические принципы феноменологического подхода к изучению русской традиционной культуры, изложенные в лекциях, в двух последующих статьях применяются к анализу конкретного этнографического материала (севернорусскому эпосу и крестьянскому изобразительному искусству).

В книге представлены поздние работы Т.А. Бернштам, в которых фокус ее исследовательского внимания направлен на этноконфессиональную составляющую традиционной культуры, в отличие от более ранних монографий и статей [Бернштам 1988; Бернштам 1991; Бернштам 1999], где исследовательница в большей степени сосредотачивается на символике пола и возраста в игровом фольклоре и в обрядовых практиках. Кроме того, в этих работах (особенно в статьях) прослеживается движение от чисто этнографического описания культуры к всестороннему изучению символики и этнических и социальных процессов, обусловивших ее специфику. Таким образом, исследования, вошедшие в книгу «Феноменальный мир русской традиционной культуры», оказываются органичной частью наследия Т.А. Бернштам, при этом дополняя и углубляя идеи, изложенные в других работах.

Перейдем непосредственно к содержанию книги. Ее открывает цикл лекций «Новые перспективы в познании и изучении тради-

ционной народной культуры: теория и практика этнографических исследований», состоящий из трех частей. В этих лекциях автор обобщает теоретические принципы, которые были выработаны ею за годы этнографической работы. Первая лекция посвящена «проблеме человека» в этнографии, а также задачам и перспективам феноменологического исследования культуры. Указав на то, что современная этнография переживает дисциплинарный кризис, связанный с попыткой уйти от советской научной парадигмы (напомним, что лекции были опубликованы в 1993 г.), Т.А. Бернштам обращается к вопросу о том, что должно находиться в центре внимания этнографа/этнолога, какой предмет изучения позволит выработать новые механизмы анализа и интерпретации культуры. Автор полагает, что таким предметом должна стать «проблема человека», которая в советской науке находилась на периферии этнографического знания в силу идеологических причин.

Что именно Т.А. Бернштам подразумевает под «проблемой человека»? Прежде всего она имеет в виду роль личности и индивидуальной психологии в интерпретации и порождении фактов культуры, а также проблему взаимовлияния культуры и человека. Впервые этот вопрос был поставлен историками-медиевистами и филологами (исследовательница ссылается на работы А.Я. Гуревича), в то время как в рамках этнографии/этнологии человек рассматривался лишь как часть определенной группы (социума или культурной общности) и всецело определялся спецификой жизни этой группы (типом хозяйства, характером брачных отношений и т. д.). Подобное определение предмета исследования требует и особой позиции исследователя, которая исключает сторонний, внешний взгляд на культуру. Эволюция собственного мироощущения и осознания себя как ученого привела Т.А. Бернштам к идее о том, что подлинное этнографическое видение культуры, обеспечивающее понимание ее семантики, возможно «при совмещении двух позиций: стороннего наблюдателя и заинтересованного участника живой этнографической реальности» (с. 26). Подобные проблемы разрабатывались в рамках этнопсихологии, как отечественной, так и зарубежной, однако объектом изучения этой дисциплины являются лишь современные общества, она не предоставляет какого-либо инструментария для исторической реконструкции мировоззрения носителей культуры прошлых эпох.

Исходя из этого, Т.А. Бернштам делает выбор в пользу феноменологического метода изучения традиционной культуры. Феномен понимается автором как «чувственный опыт и предмет чувственного созерцания», а феноменологический подход является «интерпретацией смысла, стоящего за чувственным опытом» (с. 33).

Исследовательница полагает, что тот чувственный опыт¹, который лежит в основе традиционной культуры, во многом определяется религией. Это связано с тем, что культура русского крестьянства (которая в понимании автора тождественна традиционной культуре) складывалась в процессе сложного взаимодействия архаических, дохристианских представлений с христианством, что привело к возникновению различных синкретических религиозных комплексов, которые обеспечивали целостность социума и воспроизведение традиции. В связи с этим символизм русской традиционной культуры (символ представляет собой результат чувственного познания мира) рассматривается через призму религиозных взглядов ее носителей.

Проблема символа в традиционной культуре поднимается во второй лекции «Символ в феноменальном мире русской народной культуры». Т.А. Бернштам начинает с того, что по мере своего знакомства с исследованиями в области традиционной культуры XIX в. (труды Н.Ф. Сумцова, А.А. Потебни, Н.И. Костомарова, Ф.И. Буслаева) она заметила очевидное противоречие, которое состояло в том, что упомянутые ею ученые рассматривали символ исключительно как часть обряда, однако приводимые ими данные свидетельствуют о том, что символизм пронизывает все стороны жизни человека в традиционной культуре. Исходя из этого, автор находит несостоятельным научное разделение этнографической действительности на обрядовую и необрядовую сферы.

Пытаясь интерпретировать культуру имманентно, изнутри нее самой, автор обращается непосредственно к традиции в поисках необходимых классификационных терминов, которые разграничивают профанное и сакральное. Исследовательница обращает внимание на то, что используемые в науке термины «обычай», «обряд», в контексте традиции оказываются никак не сопряжены с категорией сакрального. Слово «обычай» в восточнославянской традиционной культуре обладает двумя значениями: 1) обычай – это «вся совокупность циклического воспроизводства жизни, включая и смерть» (с. 84); 2) обычай – «мотивировка правил воспроизводства: испокон веку, по заветам дедов/отцов» (с. 85). Обряд, в свою очередь, в рамках традиции является синонимом к слову «порядок», то есть это совокупность норм, регулирующих правила поведения в обыденной жизни, а также он обозначает различные формы домашнего быта (отсюда глагол обрядать –

---

¹ В современной науке под чувственным опытом понимают менталитет как совокупность установок групп и отдельных личностей воспринимать, познавать и интерпретировать мир определенным образом.

«убирать, избихаживать, оправлять, приводить в должный вид»²). Из этих определений становится понятно, что в традиционной картине мира отсутствует понимание обряда как сакрального акта (наоборот, словом «обряд» и «обряжаться» обозначается профанная сфера домашнего быта), в то время как в научном понимании обряд аккумулирует в себе прежде всего сакральные смыслы. Далее автор рассматривает понятия «будни», «праздник», «игра», в которых «актуализировались представления человека о своем сакральном космо-природном назначении – одновременно как творения (порождения) и соучастника = творца (или творца-разрушителя)» (с. 91). Все эти области человеческой деятельности содержат в себе большое количество различных символов, в которых воплощаются глубинные основы человеческой психики, скрытые от нас и с трудом поддающиеся истолкованию, облекающиеся в устойчивые, вневременные схемы, названные Юнгом архетипами. Поэтому для этнографа важно обращаться к символическому языку культуры, поскольку он сосредотачивает в себе и транслирует психическое и психологическое содержание, разделяемое всеми его носителями.

Третья лекция «Русская народная религия: историко-культурный контекст феномена» развивает более ранние идеи Т.А. Бернштам [Бернштам 1989]. Здесь затрагиваются вопросы о путях и способах русской христианизации и о восприятии христианских догматических источников в народной среде. Исследовательница выделяет два пути распространения православия среди русского и в целом восточнославянского населения: это путь «сверху» и путь «снизу». Наиболее очевидной кажется христианизация «сверху», когда православное вероучение распространялось церковью с помощью богослужений, проповедей, литературы и иконографии. Христианизация «снизу» предполагает принятие православной догматики самим социумом изнутри. Однако этот процесс нельзя считать однородным, поскольку усвоение православия на разных ступенях социальной иерархии происходило по-разному. Очевидным остается тот факт, что распространение христианства началось гораздо раньше его официального принятия. Но если для «верхов» древнерусского общества были доступны язык и символика церковных проповедей, каноническая литература, то в народной среде православие распространялось опосредованно. Особым образом воспринятое верхами православие было переосмыслено народной культурой, что привело к формированию той религиозной системы, которую принято обозначать как «народное пра-

---

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1905. Т. 2. С. 1594.

вославие». Значимый вклад в становление этой системы внесли апокрифические тексты и апокрифическая иконография, которые для «простых» людей оказывались единственным источником православного вероучения (в то время как для церковных деятелей и знати они являлись лишь дополнением к официальным догматам). Кроме того, апокрифы, бытовавшие во множестве вариантов и по-разному интерпретировавшие канонические постулаты, предоставляли верующему возможность выбора и самостоятельного размышления над словом Божиим, в то время как православная церковь требовала лишь послушного следования официальной догме. Это и обусловило большую популярность апокрифов в народной среде.

Далее в книге помещены две статьи, посвященные влиянию старообрядчества на традиционную культуру Русского Севера.

В статье «Туры, Богородица и богатырь-пьяница (расследование одной “эпической” загадки)» рассматривается сюжет, который в эпосоведении обозначается как «Туры». Вкратце напомним его: молодые туры, обежав всю землю, встречаются со своей матерью Турицей, которая просит их поведать о том, что они видели. Туры рассказывают, что они обошли всю землю, пришли в город Киев и увидели там чудо: девушка (либо необычайной красоты, либо, наоборот, растрепанная и убого одетая) выходила из церкви и выносила оттуда Евангелие, затем заходила по пояс в реку, садилась на камень, читала Евангелие и горько плакала (в некоторых вариантах отсутствуют река и камень, девушка лишь выходит с книгой, читает ее и плачет). Турица упрекает своих детей в глупости и говорит, что это была не девица, а сама Богородица, которая плакала из-за того, что Киеву (в некоторых вариантах Новгороду) грозит гибель.

Данный сюжет бытует в двух основных формах: либо как заповесть к былине (в севернорусских областях), либо как песня (в казачьих регионах). Для исследователей этот сюжет представляет собой определенную загадку, поскольку подобные образы не встречаются в других эпических текстах. А.Н. Веселовский возводил этот сюжет к изображению Богоматери-Оранты в Киевском Софийском соборе, а мотив плача Богородицы – к сюжету из Лаврентьевской летописи о плаче икон в Софийском соборе Новгорода перед тем, как на город напали суздальцы. Солидарен с Веселовским был и В.Я. Пропп. Иную интерпретацию предложил Б.Н. Путилов, он полагал, что «Туры» объединяют два хронологических пласта: первый из них – архаический – связан с культом тура у славян, а второй является наслоением христианских представлений на мифологический сюжет. Отпечаток древнего культа горных рогатых животных и главным образом тура исследователи обна-

руживали в одной эпической формуле «Когда туры да олени по горам пошли», которая встречается в западносибирских вариантах былины о Волхе Всеславиче, а также в поморском и терском вариантах духовного стиха «О Егории». Эта формула чаще всего выполняет функцию зачина и является неким зловещим предзнаменованием. Ближайшие параллели к ней обнаруживаются в грузинском охотничьем эпосе, однако ни в верованиях, ни в ритуалах, ни в фольклоре русских не находится никаких «туриных» образов. Поэтому Т.А. Бернштам признает мифологическую трактовку «Туров» несостоятельной. Обращение к житийной и летописной традиции также не дает убедительных результатов.

Отвергнув существующие гипотезы о древнерусском и древнеславянском происхождении «Туров», исследовательница приходит к выводу о том, что этот сюжет являлся эпической новацией, возникшей в старообрядческой среде. Подобный вывод автор делает, исходя из того, что ни для одного из этапов формирования древнерусского культа Божьей Матери не характерен мотив ее плача; в большей степени она представлена как защитница и покровительница русских земель. В поисках подтверждения своей гипотезы исследовательница обращается к духовным стихам и поэзии, бытующим в старообрядческой среде. И здесь автору удается обнаружить ряд убедительных параллелей, которые проливают свет на смысл и символику «Туров».

Как и любое произведение старообрядческой культуры, «Туры» представляют собой иносказание, в котором каждый мотив и образ символичны. Сами туры, выходящие из-под земли, являются посланниками, вестниками, выполняющими некое задание Турицы, а их рассказ служит отчетом о выполнении этого задания (в духовных стихах в роли посланников, как правило, выступают ангелы, у которых Иисус Христос спрашивает, что они видели, когда странствовали по миру). Плачущая Богородица, выходящая с Евангелием из церкви, символизирует плач церкви об утрате паствой благочестия и истинной веры. В ходе рассмотрения различных письменных источников и записанных устных текстов Т.А. Бернштам приходит к выводу о том, что в основе сюжета «Туров» «лежал старообрядческий прототекст, возможно, и распространявшийся в начале рукописным путем, характерным для народных религиозных жанров» (с. 212).

Однако остается неясным, почему сюжет о «Турах» содержится в запеве, предшествующем былине о Василии Игнатьевиче (он же Василий-пьяница). Сюжет этой былины состоит в том, что татарские войска готовятся напасть на Киев, князь Владимир призывает богатырей на защиту русской земли, однако они либо отказываются сражаться по причине усталости, либо же просто

отсутствуют. Тогда Владимиру советуют обратиться к помощи пьяницы Василия. Князь Владимир отправляется в кабак, одевает Василия в лучшую одежду, вооружает его, после чего Василий-пьяница отправляется на битву с врагом. Т.А. Бернштам интерпретирует связь былины и запева следующим образом: плач Богородицы и ее уход из церкви с Евангелием связан с тем, что князь (олицетворение царской власти) утратил поддержку своих единомышленников (богатырей) и вынужден обратиться за помощью к последнему пьянице в Киеве (который, в свою очередь, символизирует изгоев, вероотступников). Сакральный смысл этого сюжета, по мнению исследовательницы, состоит в том, что истинная вера скоро покинет Русскую землю, поскольку царь предпочел своим единомышленникам (носителям древней, исконной веры) богоотступников (последователей новой веры). Плач Богородицы и ее исход – это знамение, данное истинно православным людям, чтобы те покинули царство антихриста. Данный мотив придает этому тексту апокалиптическое звучание.

Сюжет этой былины аккумулирует в себе как критику княжеской власти, принявшей сторону патриарха Никона, так и самих последователей никонианской реформы, символом которых становится богатырь-пьяница. Однако ввиду своей чрезвычайной иносказательности и глубокой символичности сюжет о турах и Василии-пьянице являлся своеобразной ширмой, за которой скрывался антиклерикальный смысл. Таким образом, установив генетическую связь сюжета «Туров» со старообрядческой культурой, Т.А. Бернштам удалось дать адекватную интерпретацию его содержания, а также обозначить историко-культурные аспекты, обусловившие специфику функционирования этого текста в русских локальных традициях.

В последней статье «Старообрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и в Поволжье: XVIII–XX вв.» рассматривается эволюция крестьянской живописи с точки зрения этноконфессиональных процессов, происходивших на указанных территориях. Автор подчеркивает, что влияние старообрядческой культуры на формирование народного изобразительного искусства долгое время оставалось за пределами внимания этнографов, однако в последние десятилетия XX в. это вопрос стал изучаться все более и более подробно. Т.А. Бернштам рассматривает основные очаги крестьянской росписи. На Севере крупные центры располагались в Обонежье, Олонецкой губернии, в бассейне Северной Двины, на Пинеге, Мезени, а также в Усть-Цильме. В Поволжье крупнейшими центрами бытовой живописи были Городец и ряд поселений, расположенных по берегам реки Узола.

Говорить именно о влиянии старообрядцев на традиционную живопись исследовательнице позволяет то, что обозначенные центры бытовой крестьянской росписи во многом соответствовали ареалам их расселения. Кроме того, о том, что у истоков многих традиций народного изобразительного искусства стоят именно старообрядцы, свидетельствует общность художественных методов, которую автор устанавливает с помощью сопоставлений книжных миниатюр, икон и бытовых росписей. Т.А. Бернштам приходит к выводу о том, что влияние старообрядческой культуры на крестьянскую бытовую роспись было чрезвычайно многосторонним на протяжении всей истории существования данной традиции (начиная с XVII в. и заканчивая первой половиной XX в.). Различные художественные промыслы позволяли старообрядцам, с одной стороны, обеспечивать собственную финансовую независимость, а с другой – транслировать с помощью художественных символов религиозные идеи, которые, проникая в среду православных крестьян, обретали иную жизнь в ином социокультурном контексте. Вопрос об идеологической основе творчества старообрядцев и о ее судьбе в рамках другой конфессиональной общности в статье остается открытым, автор рассматривает его как один из наиболее продуктивных для дальнейших исследований.

И, наконец, хотелось бы отметить оформление книги. Сам текст снабжен подробными пояснениями, которые отсутствуют в первой авторской публикации, а также богатым иллюстративным материалом. К статье о бытовой росписи прилагается карта, подготовленная И.С. Веселовой и Л.Ф. Петровой, на которой отмечены основные центры крестьянских художественных промыслов, что позволяет читателю наглядно проследить ареал их распространения. К этой же работе относится ряд цветных иллюстраций, помещенных в книгу отдельной вклейкой. На наш взгляд, подобное расположение не совсем удачно, поскольку читателю каждый раз приходится отвлекаться от текста, чтобы найти изображение, на которое ссылается автор (в первой публикации иллюстрации располагались внутри текста самой статьи, что представляется более удобным).

Подводя итог, можно сказать, что труды Т.А. Бернштам, объединенные под общим названием «Феноменальный мир русской традиционной культуры», ставят перед исследователями множество интереснейших, еще не изученных вопросов и в то же время обозначают те методологические принципы, в рамках которых они могут быть разрешены. Несмотря на то, что с момента первой публикации рассмотренных нами работ Бернштам прошло более десяти лет, они и в настоящее время остаются образцом глубокого и последовательного исследования русской традиционной культуры.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песня в русской культуре: поэтика, историческая динамика, социальный контекст» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song in Russian culture: poetics, historical dynamics, social context” (competition “Student project research teams of the RSUH”).

Литература

- Бернштам 1988 – *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 277 с.
- Бернштам 1989 – *Бернштам Т.А.* Русская народная культура и народная религия // Советская этнография. 1989. № 1. С. 91–99.
- Бернштам 1991 – *Бернштам Т.А.* Совершеннолетние девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 234–257.
- Бернштам 1993 – *Бернштам Т.А.* Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры (теория и практика этнографических исследований). Киев, 1993. 184 с.
- Бернштам 1999 – *Бернштам Т.А.* «Хитро-мудро рукодельнице»: (вышивание – шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 191–250. (Сборник МАЭ, т. 47)
- Бернштам 2004 – *Бернштам Т.А.* Туры, Богородица и богатырь-пьяница (расследование одной «эпической» загадки) // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. Вып. 6. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 127–190.
- Бернштам 2008 – *Бернштам Т.А.* Старообрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и в Поволжье: XVIII–XX вв. // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. КATALOGИ. Исследования. СПб.: Наука, 2008. С. 144–202.

References

- Bernshtam, T.A. (1988), *Molodezh' v obryadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX veka: Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury*

- [Youth in the ritual life of the Russian community of the 19th – beginning of the 20th century. Gender and age aspect of traditional culture], Nauka, Leningrad, USSR.
- Bernshtam, T.A. (1989), “Russian folk culture and folk religion”, *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 91–99.
- Bernshtam, T.A. (1991), “Adult girls in game folklore metaphors (a traditional aspect of Russian culture)”, in *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic stereotypes of male and female behavior], Nauka, Saint Petersburg, USSR, pp. 234–257.
- Bernshtam, T.A. (1993), *Novye perspektivy v poznanii i izuchenii traditsionnoi narodnoi kul'tury (teoriya i praktika etnograficheskikh issledovaniy)* [New perspectives in knowledge and study of traditional folk culture (theory and practice of ethnographic research)], Kiev, Ukraine.
- Bernshtam, T.A. (1999), “ ‘Cunningly-wise needlewoman’: (embroidery – sewing in the symbolism of girlish adulthood among the Eastern Slavs)”, in *Zhenshchina i veshchestvennyi mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy* [The woman and the material world of culture in the peoples of Russia and Europe], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia, pp. 191–250. (*Sbornik MAE, t. 47*)
- Bernshtam, T.A. (2004), “Tours, the Virgin Mary, and the bogatyr drunkard (an investigation of an ‘epic’ mystery)”, in *Russkii Sever: Aspekty unikal'nogo v etnokul'turnoi istorii i narodnoi traditsii* [Russian North. Aspects of the unique in ethno-cultural history and folk tradition], iss. 6, MAE RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 127–190.
- Bernshtam, T.A. (2008), “Old believers and peasant household paintings in the North and the Volga Region. 18th – 20th centuries”, in *Kollektsii otdela Evropy: Vystavochnye proekty. Katalogi. Issledovaniya* [Europe Department collections. Exhibition projects. Catalogs. Research], Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 144–202.

Информация об авторе

Светлана К. Мамонова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; smamonova10@yandex.ru

Information about the author

Svetlana K. Mamonova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; smamonova10@yandex.ru